

АННА АКИМОВА

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва)

ЛЕГЕНДЫ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО *ПЁТР ПЕРВЫЙ*

Legends of Peter the Great in the Aleksey Tolstoy's novel *Peter the First*

The idea of Peter the Great and his epoch interested Aleksey Tolstoy all his life. The first work on this topic was created in the beginning of XX century. Then he wrote short stories *The First Terrorists* (*Первые террористы*); *The Delusion* (*Наваждение*); *Peter's Day* (*День Петра*) and a play *On the Rack* (*На дыбе*). Finally, in 1929 he began to write the novel *Peter the First*. Tolstoy corrected the text because he tried to correct the discourse of the main character of the novel, Peter the Great.

Keywords: Aleksey Tolstoy's archive, Peter the Great, textual criticism, author's alteration

Образ Петербурга и его основателя, покорившего «болотный ад», является одним из основных в творчестве Алексея Толстого. «С первых же месяцев февральской революции, — писал он в автобиографии, — я обратился к теме Петра Великого. Должно быть, скорее инстинктом художника, чем сознательно я искал в этой теме разгадки русского народа и русской государственности» (Толстой 1958, 58). Однако это один из мифов, созданных самим писателем в *Краткой автобиографии*, написанной в 1942 г. и опубликованной в 1943-м. Опровержением этого заявления служит сохранившееся в юношеской тетради стихотворение 1909 г. *Черный всадник* (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед.хр. 8), которое свидетельствует о том, что к петровской теме Толстой обратился в начале своего творческого пути, когда увлекался модным в то время символизмом (подробнее см.: Акимова 2012, 162).

В конце 1916 – начале 1917 г. тема Петра разрабатывалась Толстым уже в эпических, прозаических жанрах: в это время были

созданы рассказы *Наваждение* (1918), *День Петра* (1918); позднее, в 1928 г., пьеса *На дыбе*. Безусловно, наиболее значимым произведением о Петре стал роман *Петр Первый* начало работы над которым относится к 1929 г. Таким образом, в творчестве Толстого мифологический образ демиурга, основателя города, трансформируется в 1920-х гг. в созданный под воздействием третьей части трилогии Дмитрия Мережковского *Христос и Антихрист, Антихрист. Петр и Алексей* в еще очень схематичный образ, наделенный чертами антихриста, который только в романе *Петр Первый* обретает плоть и кровь и превращается в человека, со своими достоинствами и недостатками, страстями и страхами.

За многие годы работы над петровской темой в коллекции Толстого появилось множество предметов этого времени или связанных с ним. Назовем лишь некоторые из них, которые хранятся в музее-квартире писателя на ул. Спиридоновка 2/6: прижизненный портрет Петра I, портрет Екатерины I, его второй супруги; прижизненная маска Петра — копия с оригинала, снятого в 1717 г. К. Ф. Растрелли. К числу самых важных источников информации об эпохе относятся, безусловно, материалы личного архива писателя и его библиотеки (укажем некоторые из них, хранящиеся в ОР ИМЛИ в фонде 43 «А. Н. Толстой»: копии писем Петра I, выписки из дел Преображенского приказа и др. документы XVII – XVIII вв.), использованные и в работе над рассказами (*День Петра*), и позднее, при создании романа (например, *Дневник путешествий в Московию в 1698 и 1699 гг.* И. Г. Корба или записи тайной канцелярии допросов в Преображенском приказе *Слово и дело государевы*, опубликованные проф. Новомбергским). Толстой мог с полным правом сказать о Петре: «Я видел все пятна на его камзоле, — но Петр все же торчал загадкой в историческом тумане» (Толстой 1958, 202).

В романе *Петр Первый* нашли отражения следующие легенды о Петре I, которые сложились в русской культуре: 1) Петр был сыном патриарха Никона; 2) у него была «падучая болезнь» или эпилепсия, приступы которой бывали еще в детстве; 3) он был подвержен беспричинным приступам ярости и злости.

Прежде, чем обратиться к тексту романа, заметим, что все посмертные издания первой книги значительно отличаются от прижизненных. Это связано с механическим, а потому неверным, тексто-

логическим решением проблемы выбора основного источника для первой книги романа. Начиная с *Полного собрания сочинений* писателя (в 15 т. М., 1946–1953), она печаталась по изданию «Москва: Гослитиздат, 1937» с правкой Толстого 1944 г., которое хранится в ОР ИМЛИ (Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а и 248 — издание с правкой, перенесенной секретарем писателя Ю. А. Крестинским). Авторская правка 1944г. была доведена лишь до 5 главы первой книги романа и при жизни писателя никуда не вошла, а потому не может быть учтена при выборе основного источника первой книги. Таким образом, ссылаться на этот текст, который к тому же содержит колоссальное количество опечаток и ошибок, при проведении исследований и при написании научных статей нельзя. Кроме того, правка 1944 г. носила явно конъюнктурный характер и служила целью, в частности, приведение в соответствие с официальной историографией представлений о Петре. В качестве примера приведем один из мифов, который приводился во всех прижизненных изданиях романа, однако с 1946 г. (Полное собр. соч. Т. 9) и по сей день отсутствует в тексте: это представление о том, что Петр не был сыном царя Алексея Михайловича. В романе эта точка зрения отражена в словах царевны Софьи. Накануне стрелецкого бунта она говорит:

Весело царица век прожила и с покойным батюшкой и с Никоном патриархом немало шуток было шучено... Мы-то знаем, теремные... Братец Петруша, государь наш, — прямо — притча, чудо какое-то, — и лицом и повадкой ну, — чистый Никон... Братцем-то его едва звать и язык поворачивается... (Толстой 1932, 37).

Необходимо заметить, что Толстой действительно так считал. В ответах читателям газеты «Смена» в Ленинграде он говорил:

Я уверен, что Петр не сын Алексея Михайловича, а патриарха Никона. Никон был из крестьянской семьи, мордвин. В 20 лет он уже был священником, потом монахом, епископом и быстро дошел по этой лестнице до патриарха. Он был честолюбив, умен, волевой, сильный тип.

Дед Петра, царь Михаил Федорович, был дегенерат, царь Алексей Михайлович — человек неглупый, но нерешительный, вялый, половинчатый. Ни внутреннего, ни внешнего сходства с Петром у него нет. У меня

есть маска Петра, найденная художником Бенуа в кладовых Эрмитажа в 1911 г. Маска снята в 1718 году Растрелли с живого Петра. В ней есть черты сходства с портретом Никона (Толстой 1961, 209).

Описание внешности маленького Петра Толстой дает в конце первой главы, когда его мать, Наталья Кирилловна Нарышкина, показывает детей обезумевшей толпе стрельцов:

Мономахова шапка съехала ему на ухо, открыв черные стриженные волосы. Круглощекий и тупоносенький, он вытянул шею. Глаза круглые, как у мышки. Маленький рот сжат с испугу <...> Круглое лицо Петра исказилось, перекосилось, он вцепился обеими руками в пегую бороду Матвеева... (Толстой 1932, 44–46).

Приведенный текст отличается от самой первой публикации в журнале «Новый мир» («Круглое лицо Петра исказилось, перекосилось, из маленького рта выбилась пена, он вцепился обеими руками в пегую бороду Матвеева...» (Толстой 1929, 103), очевидно, Толстой тщательно работал над тем, как показать болезнь Петра: фраза «из маленького рта выбилась пена» отсутствует в последующих изданиях.

На глазах маленького Петра стрельцы убивают сына стрелецкого начальника, Михаила Долгорукова, и Артамона Матвеева, толпа врывается во дворец. Эти впечатления всю жизнь будут его преследовать и послужат объяснением многих его действий (жестокость по отношению к врагам, нервозность). Например, когда на Переяславское озеро приезжает дядя, Лев Кириллович Нарышкин, рассказывает о бесчинствах стрельцов в Москве и говорит о необходимости взять власть в свои руки:

Много раз Петр слышал подобные речи, но сегодня всхлипывающий шепот дяденьки навел страх... Будто снова услышал он крики такие, что волосы вставали дыбом, видел наискось раскрытые рты, раздутые шеи, лезвия уставленных копий, тяжело падающее на них тело Матвеева... Телесный ужас детских дней!... И у самого рот кривился на сторону, вы-

катывались глаза. Невидимое лезвие вонзалось в шею под ухом... (Толстой 1929, 100).

Историки пишут о том, что нервный тик, который переходил в конвульсии и приводил к потере сознания, появился у Петра в 20 лет во время очередного стрелецкого бунта либо вследствие контузии во время одного из «потешных» боев. Из описаний современников непонятно, чем же на самом деле страдал царь. Однако Толстой неоднократно и очень подробно изображает на страницах романа эпилептические припадки Петра (разумеется, в результате правки 1944 г. эти описания были смягчены). И вновь в тексте, опубликованном в «Новом мире», есть устраненные впоследствии детали в изображении болезни первого российского императора:

Ледяная рука Петра, впившись в Алексашкино плечо (Александр Меньшиков — А.А.), застыла, как неживая. Уже совсем около дворца он вдруг выгнул спину, стал закидывать головой, ухватил Алексашку за шею, прижался к нему <...> У него свистело в груди и кости трещали от судороги, пена выступила на губах» (Новый мир 1929, 141).

Последняя фраза «от судороги, пена выступила на губах» снята в последующих изданиях. Как видим, от издания к изданию Толстой вносил правку, связанную с изображением болезненного состояния Петра. В результате размышлений над характером героя он правил и проявления раздражительности царя в его речи и жестах. «В начале было слово. Это верно, — писал Толстой в статье 1927 г. *О творчестве*, — не мысль, не чувство, а слово — в начале творчества. Но еще прежде слова — жест. Жест как движение тела, жест как движение души. Слово — есть искра, возникающая в конце жеста. Жест и слово почти неразделимы» (Толстой 1961, 94). Толстой считал, что именно в жесте проявляется ярче всего человек, поэтому он всегда подбирал точные глаголы для их описания. Это видно по первой публикации (журнал «Новый мир») и по дальнейшим изданиям романа, для которых Толстой работал над текстом. Например, такие характеристики, как Петра «грыз ноготь» (Толстой

1930, 117) или «Стукнул так, что тарелка подскочила» (Толстой 1930, 86), отсутствуют в последующих изданиях.

Толстой всегда тщательно готовил отдельные издания и тома в собраниях сочинений, и не только первые. Он несколько раз возвращался к тексту романа *Петр Первый*, не раз его правил. Правка была не только стилистической, она касалась и образа главного героя романа, Петра. Созданный ранее образ вспыльчивого и болезненного человека, который не умеет контролировать свои чувства, смягчается в результате правки уже опубликованного в «Новом мире» текста. Это особенно ярко проявляется в замене экспрессивных оценочных глаголов рече-мыслительного действия нейтральными («приказал» вместо «крикнул», «крякнул» вместо «гаркнул», вычеркнута характеристика «сорвался голосом» и т.д.).

В романе постепенно складывается образ более сдержанного и рассудительного правителя. Толстым сглаживаются проявления его взрывного, неуравновешенного характера и приступы болезни. Однако конъюнктурная по своему характеру авторская правка 1944 г., направленная на создание образа сильного и мудрого царя и учтенная во всех посмертных изданиях писателя, способствовала созданию другого мифа — мифа о писателе Алексее Толстом, «красном графе», любимце властей.

Статья написана в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (МК-9079.2016.6).

ЛИТЕРАТУРА:

Акимова Анна: *Первый том трилогии А. Толстого «Петр I»: текстологические наблюдения*, в: *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения*. Кн. 2. Москва 2012, с. 162–168.

Толстой Алексей: *Петр Первый*. Ленинград 1932.

Толстой Алексей: *Петр Первый*, «Новый мир» 1929, № 7, с. 67–103.

Толстой Алексей: *Петр Первый*, «Новый мир» 1929, № 12, с. 98–114.

Толстой Алексей: *Петр Первый*, «Новый мир» 1929, № 8–9, с. 112–141.

Толстой Алексей: *Петр Первый*, «Новый мир» 1930, № 3, с. 100–119.

Толстой Алексей: *Петр Первый*, «Новый мир» 1930, № 4, с. 85–99.

Толстой Алексей: *Собрание сочинений*. В 10 тт. Москва 1958. Т. 1.

Толстой Алексей: *Собрание сочинений*. В 10 тт. Москва 1961. Т. 10.